

Про таких, как Михаил Звездинский, говорят: "Родился не в свое время". Просто уникальный случай: в детстве умудрился не стать ни октябреньком, ни пионером, ни комсомольцем. В юности, когда вся страна вышагивала под бравурные коммунистические марши, воспевал аксельбанты и эпюлеты белогвардейских поручиков. В зрелом возрасте, в эпоху махрового застоя, открывал первые в нашей стране нелегальные ночные клубы... Раз за разом "он пробовал на прочность этот мир". Как водится, мир оказался прочней. 16 лет в общей сложности Звездинскому пришлось провести в тюрьмах и лагерях строгого режима. Сейчас автор знаменитых песен "Поручик Голицын" и "Очарована, околдована" говорит, что, даже если бы ему выпал шанс начать все сначала, он бы не стал ничего менять. Единственное, попросил бы Бога оставить в живых его близких: отца, деда...

Семейные традиции

Михаил Звездинский в шутку называет себя потомственным каторжанином. Горькая шутка. В 37-м был арестован его дед. Кадровый офицер, полковник инженерных войск царской армии, в 17-м он принял революцию. Долгие годы работал военспецом в ведомстве Орджоникидзе, занимался тяжелой промышленностью. Подвело дворянское происхождение. Во время обыска молодой ГПУшник обнаружил его письма к жене, в конце которых значилась подпись: "Целую нежно Ваши ручки, всегда влюбленный в Вас Поручик". "В Красной армии поручиков нет", — сказал как отрезал представитель органов. В 38-м деда Звездинского расстреляли.

Отец Михаила прошел всю Великую Отечественную. В один из дней эшелон, в котором ехал отец, бомбили немцы. Раненым он попал в плен, через некоторое время бежал. Страна оценила подвиг солдата по-своему: штрафбат, снова лагеря. Теперь уже сталинские. Там он и погиб.

Мишина мама также не избежала горькой участи узницы. В те годы, когда повсюду красовались плакаты с надписью: "Не болтай у телефона, болтун находка для шпиона", скромную чертежницу проектного бюро Туполева по нелепому обвинению в выдаче каких-то суперсекретных сведений сослали в Павлодар. Этот казахстанский город и стал местом рождения Михаила.

— Маму позже по амнистии освободили, и она снова начала с утра до ночи строить советскую власть, — горько усмехается Звездинский. — Уходила на работу в 6 утра, а возвращалась в 11 вечера. Так что, считай, воспитала меня бабушка — выпускница Смольного института. Благодаря ей уже в четыре года я научился читать и писать, был воспитан на хорошей русской литературе. По средам бабушка собирала у нас дома своих подружек — бывших фрейлин. Они что-то рассказывали друг другу, кого-то вспоминали, а я сидел тихонечко в углу и с упоением слушал.

Так уж получилось, что Звездинский не был ни октябреньком, ни пионером, ни комсомольцем. "Меня принимают в пионеры, дружина носит имя Павла Морозова", — обрадовал как-то Миша свою бабушку. Пожилая женщина аж перекрестилась: "Не дай Бог, этот мальчик — исчадие ада. Он предал своего отца".

— А на следующий день, играя с ребятами, я совершенно случайно залепил снежком директору школы в глаз, — улы-

бается Михаил Михайлович. — И, естественно, ни в какие пионеры меня не приняли. Вообще хулиган был, шалун жуткий — шесть раз меня исключали из школы. В 13 лет я уже зарабатывал деньги — играл на танцах. Затем поступил в музыкальную школу по классу ударных инструментов. И в 17 аккомпанировал почти всем звездам то-

го времени: Майе Кристалинской, Марку Бернесу, Гелене Великановой... Потом ударные забросил, стал исполнять свои песни. В кафе "Аэлита", что в Оружейном переулке. Там-то меня впервые и забрали.

16 лет без права переписки

В те годы в кафе "Аэлита" собиралась вся столичная богема. Там играли полузапрещенный джаз, выступали признанные кумиры поколения 60-х: Вознесенский, Евтушенко, Окуджава, Галич. Полная демократия: если ты поэт — читай что хочешь, сочиняешь песни — пой. И Звездинский пел. Уже тогда написанные им "Очарована, околдована", "Свечи", "Поручик Голицын" с его: "...Ведь завтра под утро на красную сволочь развернутой лавой пойдет эскадрон..."

— Это был период творческого фонтанирования, — вспоминает Звездинский. — Будучи еще совсем юным, я окончательно влез в тему белого движения, написал романсы, которые вошли в "Белогвардейский цикл". Да, многие из нас тогда расслабились, стали дышать, мыслить и говорить свободно. Оказалось, что все мы, охмелевшие от вседозволенности, слегка заблуждались... Ну сами посудите, разве мог я предположить, что хорошенькая девчонка, с которой я познакомился после концерта в кафе "Аэлита", окажется провокатором КГБ? Девчонка, как и я, обожала джаз, посещала все джем-сейшны. И как-то раз она предложила мне поехать в гости к ее друзьям, попеть под гитару. Барышня была хорошенькая, как говорится, при груди, при ноге, при сапоге. Я и согласился. У выхода нас ждал "Зил", за рулем сидел его брат. Но не успели мы проехать и 500 метров, как раздался милицкий свисток. Машина резко оста-

Галина Брежнева заставляла Чурбанова пить за "поручика Голицына" стоя

Звездинского

новилась, вся моя компания дружно куда-то испарилась, а я, с гитарой, замешкался. Пока сообразил, в чем дело, было уже поздно. Ко мне подошли сотрудники милиции, представились, сказали, что машина в розыске, что в багажнике какие-то краденые вещи... Я пытался было объяснить, что, находясь на заднем сиденье, машину не угонишь, да еще с гитарой в руках, но мои объяснения их не интересовали. Их интересовал я, потому что мой "Поручик" не нравился властям. Так впервые мне дали понять, что я не то пою.

Полгода продержали Михаила под

следствием в "Матросской Тишине", прежде чем объявить окончательный приговор — два года условно. Однако судимость осталась, поэтому следующий срок Звездинский отмотал уже по полной — на строгом режиме.

Михаил служил в армейском ансамбле в Томске. Дисциплиной молодой солдат явно не отличался: постоянно в самоволке, постоянно с какими-то девушками. Дабы приструнить не в меру любвеобильного юношу, армейскому начальству не раз приходилось сажать его на губу, в одиночку — все бесполезно. И новобранца бросили на исправление в стройроту. А в один из дней Звездинскому пришла телеграмма, в которой сообщалось, что с его мамой случился инфаркт и она при смерти.

— Сколько я ни просил начальство отпустить меня хоть на недельку домой — никто и слушать не стал, — продолжает Михаил Михайлович. — Даже с капитаном на этой почве подрался. Тогда я продал свою очень дорогую английскую ударную установку "Премьер", купил би-

лет на самолет и ушел в побег. Долетел до Москвы, купил самые дорогие лекарства, а когда мать пошла на поправку, вернулся. Конечно, меня сразу же арестовали. Объявили: самовольное оставление воинской части с нанесением оскорбления старшему офицеру. И впаили пять лет строгого режима.

В общей сложности в тюрьмах и лагерях Михаил провел долгих 16 лет. Последний раз его посадили в 80-м. Тогда, перед Олимпиадой, Москву активно очищали от негодных властям элементов. А Звездинского с его лихими песнями к тому времени давно уж записали в ярые антисоветчики и злостные диссиденты. Сам Михаил в перерывах между сроками вел легкий беззаботный образ жизни: выступал вместе с популярными ВИА, для души пел на неформальных вечерах, знакомился с барышнями. Но когда в 81-м перед закрытием дела он знакомился с материалами, состоящими из 12 томов, не поверил собственным глазам — едва ли не каждый его шаг был расписан буквально по минутам. В то время в Москве едва ли не половина фарцовщиков, валютчиков и спекулянтов, которые в основном и заполняли залы на нелегальных концертах, сотрудничали с КГБ или МВД и давали на опального певца полный расклад. Тем более рассказать им было что.

От Галины Брежневой до Аллы Пугачевой

Сколько бы сейчас ни появлялось мнимых отцов русского шансона, первым это понятие в обиход ввел именно Звездинский. Еще в середине 70-х у Михаила, первого в стране, появился импортный радиомикрофон. С ним певец мог выйти в зал, присесть к какой-нибудь понравившейся ему девушке, обнять ее, даже выпить бокал вина. На вопросы любопытствующих, в каком стиле он поет, Михаил неизменно отвечал: "Я работаю в манере французских шансонье".

Звездинскому же принадлежит идея открытия в Москве первых ночных клубов. Рестораны в столице обслуживали клиентов, как правило, не позже чем до 11 вечера — заведения, где работал Михаил, в 11 только открывались. Первой ласточкой в этом плане стал ресторан "Сатурн" на ули-

це Кирова. В означенное время на двери благообразного предприятия общественного питания вешался замок и для посвященных открывался вход служебный.

— Все это, конечно, происходило не вполне законно. Но договориться с директором ресторана не составляло особого труда, — рассказывает Звездинский. — Вслед за "Сатурном" пошли вечера и в других, в основном подмосковных ресторанах: "Архангельское", "Русь", "Иверия"... Успех был колоссальный — со всей Москвы к нам съезжалась самая настоящая элита. Приезжали Ира Алферова с Сашей Абдуловым, Валя Смирницкий, Соря Хмельницкий, Высоцкий. Мы дружили с Володей где-то с середины 60-х, часто встречались на каких-то вечерах. А однажды он мне подарил свои стихи "Оплаваются свечи на старинный паркет". Помню, сказал мне: "Вокруг столько нужных, острых, социальных тем, а ты все время витаешь где-то в облаках: аксельбанты, эпюлеты..." Я ему отвечал: "Володя, а мне скучно петь про все эти стройки, пятилетки. У меня были свои пятилетки — в лагерях строгого режима". Вот тебе, говорит, стихи, и протянул мне листок бумаги: "Оплаваются свечи на старинный паркет. Дождь стекает на плечи серебром эпюлет. Как в агонии, бродит золотое вино. Пусть быстрое уходит, что придет — все равно". Я написал музыку, получился красивый такой романс.

Одно время Звездинский устраивал подобные вечера всего семь раз в году. Как говорит Михаил Михайлович, ему хватало вполне. Кроме прославленных артистов в первых советских ночных клубах собирались и разного рода представители теневого бизнеса: валютчики, фарцовщики, цеховики и другие подпольные коммерсанты. Входные "билеты" на вечера Звездинского стоили ни много ни мало 200 рублей — деньги, на которые большинство советских семей существовало целый месяц. За одну ночь Михаил мог заработать огромные по тем временам суммы. В число расходов "устроителя бала" входил неизменно шикарный стол с самыми изысканными деликатесами (коньяк, цыплята, поросенок, черная икра ведрами) и зарплата артистам. А музыканты на вечерах Звездинского играли только самые лучшие.

— Барыкин и Кузьмин играли на гитарах, Серов и Мазаев играли на саксофонах и пели, — рассказывает Звездинский. — Время от времени бывали Буйнов, Градский, Глызин. Лариса Долина со мной проработала несколько лет. Даже Пугачева бывала. Тогда у нее был роман с Леней Гариным, пианистом и композитором. И вот с ним она приезжала ко мне на Новый год. Уже в разгар вечера Алла воскликнула: "С этого дня этот кабак называется "Арлекино". Должен сказать, она никогда не брала денег, хотя предлагали там всегда много. Как-то один богатый грузин протянул мне упаковку тысяч в пять. "Мишенька, — говорит, — пусть Алла что-нибудь споет". Я принес ей эту пачку денег, говорю: "Вот, Алла, один грузинский князь хочет с тобой познакомиться". Она ответила, помоему, очень достойно: "Я не знакомлюсь с князьями, мне фамилия не позволяет, я — Пугачева".

Одной из постоянных завсегдатаев

неформальных вечеров Звездинского была и дочь тогдашнего генсека Галина Брежнева. На полулегальных концертах кремлевская дочка отрывалась, что называется, по полной — все ее самые безумные романы развивались на глазах Михаила. С Марисом Лиепой, Игорем Кио, цыганским бароном Борей... Звездинский не раз бывал в гостях у Галины на Малой Бронной, в доме, где она занимала весь десятый этаж.

— Галя часто приглашала к себе домой. У нее всегда был заставлен полный стол из "Березки". Наливала себе перцовку, мне — martini, крепкие напитки я никогда не любил. Потом я брал в руки гитару, садился в кресло, что-то пел, а Галя сидела на пушистом ковре и с бокалом в руке подпевала: "Очаро-о-ована, околдо-о-ована". Но после одного случая я перестал у нее бывать. Ну что это такое — входил ее тогдашний муж, 1-й зам Щелокова, а она ему: "Слышь ты, генерал, возьми стакан и стоя выпей за Мишенькино здоровье. У него искра Божья, а ты у меня — "енерал". И он вставал, играя желваками, пил за мое здоровье. После этого я ей сказал: "Галь, ты завязывай с этими вариантами, ты меня просто подставляешь". — "Да ладно, — говорила она, — пусть знает свое место". Кстати, когда меня арестовали в последний раз, целый месяц мне не предъявляли обвинения. Все ждали: позвонит она или не позвонит. Галя не позвонила — как раз тогда месяца на три ушла в запой. А так заступилась бы наверняка.

Возвращение

В феврале 80-го Звездинский записал свой первый полноценный магнитоальбом, а в марте того же года его арестовали. Но песни не пропали. Бывшая манекенщица, с которой у певца в то время был роман, сохранила бобину с записями тех песен. Спустя некоторое время она вышла замуж за американца и уехала за океан. А в 84-м в Штатах вышел альбом Михаила Шуфутинского, почти целиком составленный из произведений якобы неизвестного автора. "Это очень легко", "Зачем вам это знать", "Мальчики-налетчики", "Сгорая, плачут свечи" — все это были песни Звездинского.

Официально страна узнала своего героя только в 90-м, когда Звездинский вернулся на большую эстраду. С тех пор он дал не одну тысячу концертов, записал 25 компакт-дисков, издал несколько книжек своих стихов, объездил весь свет. Сейчас он счастлив — есть возможность работать, как он хочет, жить, как он хочет. Сейчас его время. И даже о потертых 16 годах Михаил Михайлович, во всяком случае вслух, не жалеет.

— Я никогда не эмигрировал, — говорит Звездинский, — хотя многие думают, что я живу в Америке. Нет, я просто провел 16 лет в тюрьмах и лагерях строгого режима. Никому не пожелаю такого. Но так сложилась моя жизнь. И я благодарю Бога за все. За его щедрый дар. За то, что могу петь, писать музыку к своим стихам, могу общаться со своими зрителями на концертах — это счастье. Я счастлив, что у меня есть мои слушатели, мои единомышленники. Конечно, если бы не эти 16 лет, я успел бы сделать гораздо больше. Но самое главное, несмотря ни на что, я не сломался. Выстоял, вернулся.

Дмитрий МЕЛЬМАН.

Жене Звездинского Нонне суждено было стать советской "декабристкой"